

Вадим ЯРМОЛИНЕЦ

Вадим Ярмолинец родился в 1958 году в Одессе. Окончил факультет романо-германской филологии Одесского университета, работал в газетах «Моряк» и «Комсомольская искра». В 1989 году эмигрировал в США, работал в газете «Новое русское слово». Публикации в журналах «Октябрь», «Новая юность», «Новый журнал», «Вопросы литературы», «Новый мир» и др. Автор трех книг прозы. Постоянный автор журнала «Волга».

РАССКАЗЫ

Бешенковский

А.Б.

Каждую свою фразу Борис Ефимович Бешенковский начинал либо со слова «сволочи», либо со слова «идiotы». Сделала его таким жизнь. В армию его призвали в мае 1941 года. Часть, располагавшаяся в белорусском Пинске, с ходу оказалась в окружении. Кто-то погиб в первых боях, кто-то оказался в плену, уцелевшие прятались в лесах, в непроходимых болотах. Их бомбили, травили собаками, на них охотились снайперы, их предавали местные. В середине декабря Борис вышел к своим. Точнее – выполз. Страшный, в лохмотьях, в кровавых язвах, о таких говорят – выходец с того света.

Его привели в себя и вернули на фронт. Он стал сапером. Прозвище у него было Борька Бешеный. На войне таким, как он, цены нет, но за месяц до Победы, когда часть стояла в Котбусе, его спешно демобилизовали, направив в одесскую психиатрическую клинику на Слободке с диагнозом «временное помешательство на почве пережитого». Сейчас бы это назвали посттравматическим синдромом.

На Слободке он встретил Фаину. В июле 41-го немецкая авиабомба взорвалась во дворе дома на Херсонсой, где жила ее семья. Когда ее откопали из под руин, серую от пыли, как гипсовую статую, она открыла глаза и обнаружила, что в окружавшем ее мире исчез звук. Она оглохла. Под обломками остались родители, бабушка и младший брат. Девочку забрала к себе соседка. Когда начались регистрация и сбор евреев, им удалось уехать к родственникам соседки на хутор под Балтой, где Фаину стали называть Ниной. Она рано примирилась с потерей родных – авианалет спас их от участи 90 тысяч одесских евреев, расстрелянных в пригородных балках или сожженных румынами в артиллерийских складах на Люстдорфской дороге.

Вернувшись домой, она устроилась нянькой на Слободке. Большинство пациентов не были психами в медицинском смысле, в основном баротравмированные, в смысле контуженные, ну и другие, конечно, – навидавшиеся ужасов, потерявшие себя. В больничном дворе они часто дрались, остервенело, насмерть. Насилу оторвав их друг от друга, санитары вели их на гидротерапию. Борис кричал во сне. Ему казалось, что ледяная болотная топь снова засасывает его, еще чуть-чуть – и он начнет глотать вонючую жижу. Один раз, когда Фаина давала ему бром, он попросил ее лечь рядом с ним, легонько

похлопав ладонью по одеялу, и она, уступив его молящему взгляду, легла. Наверное, он был симпатичен ей. А может быть, напоминал кого-то из родных. В синей душевнобольной ночи он сжал ее руку и замер. Его неподвижность сказала ей лучше всяких слов, что без нее он погибнет. Тогда жалость часто заменяла любовь.

Санек всегда помнил отца старым. Высушенный, с костистым лицом, перебитым носом и тяжелым как камень взглядом. Зимой и летом он носил вытянувшийся и залоснившийся пиджак с пестрым прямоугольником наградных колодок на левой стороне. Он ходил, опираясь на палку, которую часто пускал в ход не по назначению. Он никого не боялся и никогда не думал о последствиях. Он стучал своей палкой в любые двери, пока не добивался своего. Милиция с ним не связывалась.

Местный гастроном на Ольгиевской и Коблевской взял над ним шефство, как над ветераном войны, чтобы только избавиться от его визитов. Раз в неделю домой Бешенковским приносили фанерный почтовый ящик, в котором лежали кило мяса, колбаса, сыр, банка рыбных консервов и шкалик. Фаина Михайловна ахала и, прикладывая руку к груди, показывала, как она благодарна.

Во дворе им завидовали, но попрекать опасались.

9 мая Борис Ефимович шел на парад. Перед выходом он заглядывал в зеркало, плюнув в ладонь и проведя ею по волосам, он вопросительно смотрел на стоявшую рядом Фаину Михайловну. Та показывала большой палец. Он привлекал ее к себе и, скосив рот, целовал в висок.

На улице он оглядывался по сторонам, нет ли какой опасности, поправлял кепку и шел на звуки военного оркестра, доносившиеся из Городского сада. Знакомые марши, кажется, возвращали его к дням боевой молодости. Он двигался быстрее обычного, выбрасывая палку далеко вперед и сильно отталкиваясь ею от асфальта, когда она оказывалась позади. Вид его говорил: «Дайте мне еще одну войну – и мало вам не покажется».

Санек учился кое-как, но по понятным причинам родителей в школу не вызывали. Единственный, кто был им доволен – учитель физкультуры: малявка, руки как вермишель, а вот подпрыгнет, вцепится в перекладину, качнется раз-другой, забросит ноги, подтянется, перевернется, выйдет в упор. Намекнешь ему, что по канату поднимаются не руками, а ногами, он тут же сообразит и раз-раз-раз – уже под потолком. А мышцы что, – мышцы нарастут. После 8-го класса его приняли в московское цирковое училище.

Борис Ефимович напомнил о себе очень скоро. Безо всякого предупреждения он приехал в Москву проверить, как устроился его артист. Он появился у манежа, где занимались студенты, и стал высматривать сына. На манеже его не было, он был в воздухе. Он стоял на руках на лесенке, которую удерживал на мощных плечах молодой циклоп в застиранной майке и синих рейтузах с вытянутыми коленями. Педагог подавал команды:

– Саня, зад подтяни! Легкий перевес вправо и отрывай левую руку!

Санек отнял левую руку от верхней перекладины и замер на правой. Он делал все так легко, словно находился в безвоздушном пространстве. Соученики, оставив занятия, смотрели на него.

И тут в тишине раздался скрипучий голос Бориса Ефимовича:

– Идиет! Ты же убьешься! Слезь оттуда немедленно!

Когда растерявшийся педагог направился было к нему, Борис Ефимович встретил его по-своему:

– Сволочи, вы что, хотите угробить мне единственного ребенка?

Красный от стыда Санек бросился к нему со словами «папа, прекрати!», но Борис Ефимович ничего прекращать не стал. Напротив, он только начал:

– Идиет! Ты не мог устроиться жонглером?! Посмотри кругом – все нормальные люди жонглируют, а ты полез я не знаю куда! Кто будет собирать твои кости? Я? Или твоя мама? Уже лучше бы ты стал клоуном!

Папу отвели к директору. К счастью для училища в частности, и для всего советского цирка в целом, директор тоже был ветераном. Два солдата встали друг против друга – директор и Борис Ефимович – и в течение двух напряженных минут изучали боевой путь друг друга – по наградным колодкам. Потом директор сказал: «Зайди!» Дверь за ними закрылась. Потом секретаршу послали в гастроном. Потом позвали Гену из оркестра, и он прошел в кабинет, прижимая к боку красный немецкий аккордеон. Директор любил петь.

Было темно, когда два фронтовика вышли в приемную к поджидавшим их секретарше и Саньку. В дверях визитер сказал директору: «Ну, шо, Толян, держись тут!», и их руки сцепились в рукопожатии как железные механизмы. Когда отец шагнул в коридор, директор подмигнул Саньку, и тот понял, что все в порядке – клоуном он не будет.

С годами Санек научился пользоваться отцовским талантом. Когда кончались летние каникулы и в кассе железнодорожного вокзала не было билетов – москвичи возвращались из отпуска к началу школьного года, – он запускать в дело отца. Борис Ефимович не шел к окошечку, где толпился простой народ, он сразу поднимался на второй этаж к обитой крашеной жестью двери и бил в нее своей палкой.

До Санька долетали тихие голоса:

– Кто это?

– Это наш контуженый.

В двери открывалось окошечко.

– Борис Ефимович, что вам надо?

– Мне надо один билет на московский эшелон.

Он продолжал называть поезда эшелонами.

– На московский все продано.

– Сволочи, вы хотите, чтобы артист ехал как мешочник на крыше? Вы не знаете, что вас ждет!

Окошечко захлопывалось. Борис Ефимович наносил еще один удар, чтобы по ту сторону двери о нем случайно не забыли. Но о нем помнили. Окошечко снова открывалось и ему подавали билет. Санек возвращался на занятия в купе СВ, которое берегли для больших шишек.

Однажды отец помог по-настоящему. Получив свою первую работу после окончания училища, Санек задумал собрать денег на фирменные джинсы. Дрессировщик Вовка Ежиков, которого все, ясное дело, называли просто Ежиком, привез с венгерских гастролей клешеный «Супер-райфл» такой неопишуемой синевы, что от вида ее можно было ослепнуть. Ежик запросил 150 рублей. Санек втиснул ему четвертак в залог, умолив дать две недели – приближались новогодние елки на предприятиях – самое хлебное для

цирковых время. График был напряженным, но Санек был в таком ажиотаже, что не замечал усталости. Оставался последний рывок – выступление в Твери.

Номер у него был уникальным, знающие люди прочили ему место в Книге рекордов Гиннесса или еще какой-нибудь энциклопедии. Он поднимался по десятиметровому першу, который удерживал его нижний – Вахтанг. На вершине перша была крохотная площадка. Выбравшись на нее и взявшись за ее края, Санек делал стойку на руках и медленно опускал ноги, складываясь вдвое, затем выпрямлялся и разбрасывал руки – вуаля! Ну, не красавец?! Зал переставал дышать. Очень медленно Санек делал полуприсед, давая понять публике, что главное только начинается. Потом барабанщик давал продолжительную дробь, завершая ее ударом по тарелке. Санек подпрыгивал, делал сальто-мортале и возвращался ногами на площадку. Зал и оркестр взрывались в совершеннейшем восторге. Вот это мастерство! Вот это советский цирк!

В тот вечер поднимавшийся по першу Санек думал только об одном – от заветных джинсов его отделял этот один прыжок за девять рублей, как за номер высшей категории сложности. Действуя спокойно и размеренно, он сделал стойку на руках, потом встал на ноги, переждал аплодисменты, дробь, присел, и ноги привычно подбросили его на точно рассчитанную высоту. Делая оборот, он услышал, как шелкнул карабин, который, видимо, не прошел до конца в кольцо на поясе и не застегнулся. Краем глаза он заметил отлетевший в сторону страховочный трос. Его ударила мысль, что теперь зрители увидят, что номер был не таким опасным, каким казался – у него была страховка. Испуг, рожденный этой мыслью, нарушил его движение на какой-то микрон, даже миллимикрон, но контроль был потерян. Завершив оборот и точно встав на площадку, он почувствовал, как она пошла вперед, и еще заметил, как под ним пытается удержать перш Вахтанг.

Зал хором ахнул, потом закричали, потом воздух из его легких вышибло, и пока они судорожно пытались вернуться к своей обычной работе, кто-то в желто-розовом мареве над ним сказал:

- Посмотри, какой маленький.
- Карлик, что ли?
- Нет, не вырос просто.
- Теперь уже не вырастет.

Его съезжившееся от шока сознание ухватилось за эти слова «вырастет-не вырастет» и стало перебирать и взвешивать их, словно пытаясь за этим занятием не померкнуть окончательно.

Борис Ефимович прибыл в Тверь на следующий день, и тут же в самых высоких кабинетах начались телефонные переговоры: «Тут к нам один ветеран постучал. Герой-подрывник. Что подрывал? Все подрывал: мосты, поезда, самолеты. Спроси лучше, что он не подрывал. Полный кавалер ордена Славы. Осколков в нем по весу еще больше, чем орденов. Сын – звезда манежа и будущая мировая знаменитость, Покалечился страшно. Надо спасать». Санька перевезли в травматологическое отделение кремлевки. Он провел в гипсе, распятый на каких-то невиданных американских распорках, полгода.

Ремонтировавший его врач был оптимистичен:

- Молодой, выкарабкаешься. И чтобы контрамарку мне в первом ряду сделал!

Санек, вот она отцовская кровь, выкарабкался.

Когда он появился в цирке, Ежик, сделав недовольное лицо, вернул ему его четвертак со словами: «Старик, пойми, я даже не знал, встанешь ли ты на ноги. Не ездить же на инвалидном кресле в джинсах, правильно я говорю?»

В 90-х Санек с армией других работников манежа пустился в бесконечное мировое турне, в конечном итоге осев в Бруклине. Он завел пуделька Кешу и выступал с ним на детских днях рождениях. Санек брэнчал на укулеле, а Кеша подпевал. В смысле подскуливал. Все смеялись. Один раз их даже показали по телевидению. Короче говоря, отбоя в заказах у этой парочки не было.

Когда Санек получил грин-карту, Борис Ефимович выразил пожелание проверить, как устроился сын.

– Папа, пожалуйста! – сказал Санек. – А если маму прихватишь, так еще лучше будет!

Санек скучал по старикам. С возрастом конечность их жизни, да и своей тоже, стала ощущаться острее, поэтому и к их несовершенству он теперь относился терпимее.

Борис Ефимович приехал один. Время не тронуло его. Та же покосившаяся набок фигура на палке, тот же тяжелый взгляд из под кустистых бровей, та же зажатая в зубах из нержавеющей стали папироса.

Первый бой на новой территории Борис Ефимович дал в аптеке на Вест Восьмой. Санек подвел его к стенду, где были выставлены инвалидные трости. Борис Ефимович взял одну – алюминиевую, с меняющейся длиной и великолепной рукоятью под дерево. Взвесив ее на руке, он сказал:

– Это ше, палка? Ее соплей перешибить можно.

Когда он ставил ее на место, трость упала, звонко застучав по плитке пола. Подошла продавщица.

– Мужчина, поосторожней нельзя?

Судя по интонации, она появилась в Америке ненамного раньше Бориса Ефимовича.

Борис Ефимович повернулся к ней и безо всякой подготовки сказал:

– Сволочь, ты мне мало выпила крови в аптеке Гаевского на Садовой? Или ты думала, я тебя в Америке не найду?

Слова эти произвели магический эффект – женщина растаяла в воздухе. Как утренний туман над лесным болотом.

Очень скоро Борис Ефимович стал знаменитостью Южного Бруклина. Он наводил порядок за столами доминошников на Бордвоке, при раздаче продпакетов в синагоге на Четвертом Брайтоне и в шорфронтовском бассейне. Его часто можно было видеть дремлющим за столом президиума на торжественных вечерах общины. Он стал своим, но в действительности он был гостем с паспортом другой страны и, как у гостя, у него не было даже медицинской страховки. Это, кстати, не мешало тому, что его принимали все врачи, в чьих офисах звучала русская речь. Это делалось не из боязни, конечно, его любили как экзотического персонажа эпохи, о которой американские медики знали только по кинофильмам. Ему сменили железные зубы на керамические. Оттянув пальцем щеку и откинув голову, он скалился перед зеркалом и не узнавал себя.

– Идиеты, – говорил он, но без злости, а так, как говорят о детях.

– Папа, а что ты хочешь? – отвечал ему Санек. – Это – Америка.

– Они мне еще должны поменять колени, – Борис Ефимович отпускал щеку, вытирал палец. – Ты не знаешь, как они у меня ноют на погоду.

– Папа, колени – не зубы, – объяснял Санек. – На Брайтоне такое не меняют. Надо иметь страховку и надо лечь в больницу.

– Когда Гитлер вжарил им в Арденах, я их страховку не спрашивал, – отвечал Борис Ефимович. – Я стоял по горло в воде и ставил понтоны через Одер.

– Тогда надо попасть под машину, – Санек засмеялся собственной шутке.

– Я не понял, – насторожился отец. – Зачем это?

– Когда тебя подбирает скорая, – объяснил Санек, – тебя везут в больницу и лечат без вопросов. А потом если у тебя есть страховка, так она за тебя платит, а нет так нет.

– Идиоты. А сразу спросить про страховку они не могут?

– Ты понимаешь, если ты без сознания, то с тобой не особенно поговоришь. А если ждать, пока ты придешь в себя, то ты можешь очокуриться. А если ты очокуришься по их вине, то твои родственники снимут с них последние штаны.

– Хм, – сказал Борис Ефимович.

Через несколько дней он попал под зеленое такси на перекрестке Оушен-Парквей и Авеню Z – прямо напротив больницы Кони-Айленда. Забыв, что в таких ситуациях лучше изображать потерю сознания, он сгоряча еще встал на ноги и разбил своей палкой стекло в дверях машины наехавшего на него бедолаги. Тот ошарашенно оглядывался, ища поддержки у собравшихся зевак, и повторял: «Я не понимаю – откуда он взялся? Я вам клянусь, на дороге никого не было!»

Влетев в отгороженный синими занавесками отсек, где лежал отец, Санек прошипел:

– Папа, ты сошел с ума! А если бы тебя убило?

– Я ходил на танки, – успокоил его тот. – Шо мне эта инвалидная коляска?

Рентген показал, что сломаны три ребра. Врач, заполняя документы, сказал:

– Вам сделают болеутоляющий укол, а утром пойдете домой. Главное – не делайте резких движений и не поднимайте тяжестей.

Санек перевел.

– Я не понял, – Борис Ефимович сел. – А колени?!

Вопрос удивил врача. Он поправил очки. Потом, убрав край больничного халата пациента, внимательно осмотрел его колени, пощупал их. Попросил согнуть одну ногу, потом вторую. Все гнулось.

– Тут у вас все цело. Синяков нет, опухоли нет. Но если у вас есть жалобы на колени, вы должны обратиться к своему терапевту.

– Сволочь, – сказал Борис Ефимович. Смотреть на него было страшно. Он спустил ноги на пол и встал.

Врач тоже поднялся и сделал шаг назад.

– Сволочи! – крикнул пациент. – Куда вы дели мою палку?

– Папа! Я тебя умоляю! – Санек стал хватать его за руки, но куда там. Прибежали сестры, за ними появилась пара бритоголовых копов.

– Папа, – сказал один. – Успокойтесь, или мы наденем на вас наручники.

– Папа, – тут же перевел Санек. – Они наденут на тебя наручники.

– Кто?! Эти шахтеры?! Сволочи, они не знают, с кем они имеют дело! Где моя палка?!

Тогда один коп как-то очень ловко обнял Бориса Ефимовича и прижал к себе, а сестра со шприцем наготове сделала ему инъекцию в плечо. Из готового к смертельной схватке орла Борис Ефимович превратился в сонного цыпленка. Он обмяк, веки стали слипаться. Его уложили в койку и закрепили наручниками. Отделение интенсивной терапии вернулось к своей обычной жизни. Сестры в зеленых униформах проверяли

показания приборов у постелей больных и делали записи в их анкетах, санитары катили тележки с чистым постельным бельем, коробками с лекарствами, пробами крови. Привезли очень смуглого парня. Повязка на его курчавой голове была вся в красных пятнах. «Траханная стерва, – безостановочно повторял он по-английски. – Я убью тебя». Рука его свисала с носилок, и кровь лилась с нее на пол тоненькой струйкой. Санитар поднял руку, положил ее на грудь парню и придерживал так в ожидании врача.

Следующий день Санек провел возле отца. Наручники с того не снимали. Он покормил его больничным завтраком, обедом и ужином. Сестра ловко помогла пациенту оправиться. Вечером отец, за день не произнесший ни слова, сказал:

– Завтра соберешь мой чемодан и отвезешь меня в аэропорт.

– Ты что, даже домой не заедешь? – удивился Санек.

– Мой дом в Одессе, – отрезал тот. – И найди мою палку.

Санек рассказывал, что вернувшись в Одессу, папа снова ощутил себя человеком. Его снова боялись, он по-прежнему ни в чем не нуждался, ему даже дали квартиру с балконом, с которого открывался чудесный вид на море. На этом балконе его снимали для телепередачи о человеке, который вернулся *оттуда*. Рядом с ним сидела его Фаина Михайловна и улыбалась. Читая по губам, она прекрасно понимала, о чем идет речь. Влажный ветерок со слабым привкусом йода и соли шевелил ее седые волосы. В лучах заходящего солнца они светились. Она казалась счастливой. Когда бойкая девушка с микрофоном попыталась выяснить у Бориса Ефимовича, чем его не устроила американская медицина, тот буквально в двух словах, как он это умел, объяснил ей.

Когда Санек звонит родителям, он привычно спрашивает:

– Папа, вам что-то нужно?

– Что мне нужно? – отвечает Борис Ефимович. – У меня все есть.

Он кашляет, отхаркивается, но продолжает курить.

– Может, колени новые прислать? – подначивает его Санек. – Или старые больше не болят?

– Чего, болят, – отвечает Борис Ефимович. – Но шо-то же должно болеть. Если ничего не болит, так ты умер. А я планирую жить до 120. Ты меня понял?

– Понял, – отвечает Санек. – Поцелуй маму от меня.

– Это можно, – отвечает Борис Ефимович и показывает Фаине Михайловне рукой, чтобы она подошла к нему.

У моста Верразано

Началось, как говорится, на ровном месте. Вот Леха Крыса сидел за праздничным столом и никого не трогал, а вот он, схватив столовый нож, тоже мне орудие убийства, кричал с матом-перематом, что он сейчас этого несчастного официанта порежет на куски.

Отмечали, забыл сообщить, Старый Новый год в «Якоре», это у нас тут в Бейриджке, прямо перед въездом на Верразано. Гулянье было в разгаре, представление давала наша местная заменитость – Миша Буран. Вид у него был как у анархиста из советского кинофильма, когда анархизм представлялся не философией, а степенью алкогольного опьянения: панибратское отношение с уважаемой публикой, фуражка с крабом, живот напоминает спрятанный под тельняшкой арбуз, черные брюки заправлены в сапоги, вместо нагана – микрофон.

Миша исполнял свой коронный номер – «Ду хаст», того самого «Рамштайна», о котором он с нарочитым пренебрежением говорил, что когда его – Мишу – приглашают петь в Германию, «Рамштайн» уезжает из страны.

В то время как народ извивался на танцплощадке в красно-фиолетовом свете прожекторов, Крыса с женой Валею оставались за столом. Крыса месяц как вернулся из мест не столь отдаленных, и Валентине, после долгих лет разлуки, неловко было оставлять его одного. Хотя она как раз бы потанцевала.

Официант, которого Крыса пригрозил порезать на куски, его звали Антоном, стоял в двух шагах от стола и смотрел влюбленными глазами на одну из певиц. Певиц, как полагается в русском ресторане, было три: негритянка Роза, испанка Таня и наша – Ира. Какие вокальные данные были у этой Иры, в эпоху компьютерной музыки, не существенно, но вид, вид! Каблуки, лосины, бюст нараспашку, черные волосы рассыпаны по плечам, плюс известное выражение неприступности и презрения на лице, одним словом, все то лучшее, что она могла привезти в Нью-Йорк из родного Омска, она привезла, и тут на ее пути случился этот Антон!

Короче. Крыса спросил Антона, когда подадут чалахач, причем не потому что без этого чалахача ему грозила голодная смерть, стол ломился от закусок, а потому что, проследив направление влюбленного взгляда парня, он решил навести в ресторане порядок.

Антон, едва оторвавшись от сцены, ответил, что чалахач подадут через пару минут, и это не было отговоркой. Дело в том, что только что старший официант велел им поменять тарелки на столах под горячее, Антон поменял и теперь ждал сигнала с кухни.

– Что значит пару минут?! – возмутился Крыса. – Ты оборзел, что ли? Сейчас неси! Ты сюда работать пришел или музыку слушать?

– Потихе, уважаемый, – ответил Антон. – Вы получите свой чалахач через несколько минут. Быстрее кухня не работает.

– Борзой?! – крикнул Крыса, которому после еды и полбутылки Макаллана хотелось какой-то движухи, и модный пиджак и туговатый галстук только усугубляли это желание. – Да я тебя сейчас на куски порежу!

– Ты?! – удивился Антон и сделал шаг к столу.

И по его позиции, или, я бы даже сказал, – по его стойке как-то так сразу стало ясно, что по подготовке Антон, конечно, не официант, а, скорее, спортсмен. Высокий, сухой, талия узкая, отчего плечи кажутся еще шире, руки крепкие.

До поединка, конечно, не дошло. На Антона тут же навалились коллеги, прискакал усатый менеджер Федя, случившиеся поближе гости насилу усадили Крысу. Валя отобрала у него нож и спрятала под скатерть. Мат стоял такой, что Миша Буран со своим «Ду хастом» еле-еле его перекрывал.

Потом Антон пошел к стойке бара, где косоглазая барменша Аня налила ему пятьдесят текилы, а Федя прочел небольшую лекцию.

– Тосик, – начал он. – Я понимаю, что ты и спортсмен-разрядник, и в Чечне воевал, и все такое, но у нас тут – бизнес. Ты не можешь с каждым жлобом выяснять отношения. Тем более с Крысой. Ты хоть знаешь, кто это?

– Какая разница – кто это? – отвечал Антон. – Он что считает, что официант – не человек?

Федя вздыхал. В свое время он сам работал официантом в знаменитом «Вольфганге» на Парк-авеню. Но тогда время было другое. Тогда официанта из хорошего

ресторана могли уважать. Не говоря о том, что сравнивать клиентуру «Вольфганга» и клиентуру «Якоря» – это как сравнивать апельсины с ягодой морошкой. Но Федя решил открыть свой бизнес. По этой причине он стал считать каждый ржавый цент и заменил профессиональных официантов на джейванушек. Они приезжали по студенческим визам J-1 и шли в ресторан, чтобы сшибить тыщонку-другую и ехать дальше в поисках своего счастья. Или несчастья.

Антон был таким джейванушкой – студент института физкультуры в Челябинске, мастер спорта по горным лыжам, он планировал устроиться инструктором в Колорадо.

– Крыса месяц как откинулся, – объяснял ему Федя. – Отмечали у нас. Ты бы видел его гостей! Урки! Хорошо, что у меня в этот вечер ни одной официантки в зале не было. Хор после первого отделения просто сбежал от греха подальше. Миша за весь оркестр отбояривался. – Федя достал из кармана пиджака тугой ролик зеленых купюр, снял резинку, достал одну и положил перед Антоном. – Вот тебе полтинник, иди домой и не бери в голову. Завтра я тебе позвоню.

– Спасибо, – буркнул тот. За весь вечер он рассчитывал получить сотню, а то и полторы.

На заднем дворе Антон натолкнулся на валета дядю Вадю. Закурили.

– Видок у тебя, – сказал дядя Вадя. – Неужели поперли?

– Да вроде нет, – Антон сплюнул под ноги. – Чуть с клиентом тут не подрался...

– Тося, с посетителями драться нельзя, – сказал дядя Вадя своим придушенным голосом. – Это – Америка. С тебя взятки гладки, а ресторан засудят, мало не покажется. Ты знаешь какие, здесь лоера? Это же не люди, это – звери.

– Так я, что ли, начал? – Антон стал рассказывать, как было дело.

– А-а, так это Крыса, – понял дядя Вадя. – Ты от него лучше подальше держись. Это – убийца. Он недавно откинулся. Тут такая братва собралась, мама не горюй. Розка с Танькой через окно сбежали.

– А Ирина? – спросил Антон, ощутив, как сжалось что-то внизу живота.

Ответа на свой вопрос он не получил, потому что дядю Вадю позвали – кто-то из гостей хотел получить свою машину. Он пошел за ключами, а Антон остался докуривать. Воздух приятно охлаждал его, разгоряченного после инцидента в ресторане. Над стенами домов, окружавших парковку, сияли в черном небе зелено-голубые гирлянды моста Верразано. В их ровном свете было что-то успокаивающее, праздничное, какое-то обещание того, что по другую сторону узкого пролива его ждет настоящая Америка, уютный город в горах, где он найдет настоящую работу, а может быть, и новую жизнь.

Крыса, покончив тем временем с чалахачем, поднялся, проверил, на месте ли сигареты. Первым делом он зашел в туалет, а выйдя из него, увидел в конце узкого коридора открытую во двор дверь. Поправляя туговатые брюки, пошел к ней. Антона он узнал сразу – тот стоял к нему спиной, голова закинута в небо, в руке на отлете дымит сигарета. Крыса взял белый силиконовый кирпич, которым была подперта дверь, и с размаху ударил парня по затылку. Тот рухнул на асфальт, а Крыса, вернув кирпич под дверь, вернулся в ресторан.

В коридоре он столкнулся с валетом, бросив на ходу:

– Там неважно одному, помочь надо.

В свете уличных фонарей голова Антона показалась дяде Ваде черной и страшно деформированной. Он метнулся за Федей, тот, прибежав, долго пытался проверить, есть ли у парня пульс, потом махнул рукой и набрал 911.

Первой подлетела, вращая красно-синими огнями, патрульная и, взыв коротко, остановилась у входа. Копы еще выбирались из машины, когда подкатила – скорая «Хетцоллы». В ресторане продолжали гулять, на улице слышно было уханье оркестра и голоса празднующих. Те, кто курил у фасада, даже не поняли, что случилось. Когда Антона погрузили в скорую, копы пошли в офис Феди смотреть записи с наружных видеокамер.

Крыса, заметив следовавших за менеджером копов, потряс опустевшую бутылку Макаллана над бокалом, допил остаток и сказал Вале, что пора сваливать. Та послушно поднялась. У входа он вручил вальету номерок от машины с двадцаткой и, чуть задержав деньги в пальцах, сказал негромко:

– Я, надеюсь, мы друг друга поняли, правильно?

От выпитого физиономия у него была свекольного цвета.

– Сто процентов, – просипел дядя Вадя и пошел на парковку.

– Не расслышал, повтори, – сказал Крыса в спину дяде Ваде, но тот уже скрылся во дворе.

Через минуту-две он выкатил на улицу Мазерати Кватропорте и, оставив дверь со стороны водителя открытой, ушел в ресторан.

– Так, я не понял, – сказал Крыса. – Тут у них что, весь кабак борзых? Так это легко исправить.

– Леша, – позвала его Валя уже из машины. – Я тебя умоляю, сядь и поедем.

– Что ты меня умоляешь? – сказал Леша. – Ты видела этих борзых?

– Я видела ментов, Леша, – ответила Валя. – Они тебя сейчас возьмут за жопу, и их будешь исправлять.

Этот довод подействовал. Крыса сел в машину, закрыл дверь.

– Ремень надень, – сказала Валя.

– Не могу, душит, – Крыса стащил галстук и бросил через плечо на заднее сиденье.

– Бухать надо больше, – сказала Валя. – Выжрать бутылку вискаря – надо уметь.

– Жалко, что ли? – сказал Крыса и надавил на газ.

500-сильный движок, разгоняющий этого, как говорят итальянцы *мостро де л'аутострада*, до 60-мильной отметки за 4,4 секунды, выбросил его через три полосы на встречную – прямо под колеса трейлера с красным логотипом Fast-n-Furious на боку. Трейлер, легко вскочив на акулий капот Мазерати, проехал по его крыше, вмяв Крысу в сиденье так, что об обычных похоронах уже и речи быть не могло, останки пришлось кремировать.

А Валя, вы не поверите, выжила. Перелом руки и еще шрамик на лбу от лопнувшего ветрового стекла.

Сороковины она отметила с двумя близкими подругами – Надеждой и Верой на кухне своей квартиры в «Ошеане». Стол накрыли по-скромному: селедочка, картошечка, люля-кебаб, «Столичная». Что там ни говори, а в отношении спиртного русская женщина остается истинным патриотом, куда бы ни занесла ее нелегкая.

Валя много курила, пила, плакала и все спрашивала «за что», имея в виду, конечно, себя. Натерпелась она, действительно, много, одна радость, что с перерывами.

Потом Надежда сказала:

– Валюха, ты прости меня, но я тебе скажу одну вещь, только одну, которую ты ни от кого не услышишь, понимаешь? Потому что мы с тобой, – тут она многозначительно

подняла брови и подвигала в воздухе указательным и средним пальцем, как будто резала что-то. – Ты меня понимаешь?

– Одной крови, – поняла ее Валентина. – Как Маугли с Багирой.

– Именно! – подтвердила Надежда. – И вот мы все – и ты, и я...

– И Маугли, – вставила Вера.

– Да, Вера, и Маугли, мы все ходим под Богом, а Бог – не фраер, это уже проверено, и не один раз. Поэтому, прости меня Валюха, но, может, оно все и к лучшему сложилось. Потому что у меня, подруга, было ясное впечатление, что жизни у тебя с твоим Лешей не было. То он на деле, то он на зоне, кому, извини меня, нужно такое семейное счастье? И вот поэтому я говорю: царство ему небесное.

Валентина снова спрятала мокрое лицо в ладонях, а Надежда и Вера, приподняв рюмки, чокаться в такой день было нельзя, выпили еще.

– Все так, – согласилась Валентина, утирая глаза и нос салфеткой. – Надо только как-то собраться, потому что, веришь, все из рук валится.

– Так соберись! – распорядилась Надежда. – Тебе 27 лет, ни детей ни плетей, ни долгов, да у тебя вся жизнь впереди!

– Только хвост позади, – добавила Вера.

Этот неожиданный финал заставил их всех захохотать, и они хохотали долго и снова до слез, до «ой, не могу больше», сгибаясь и держась за ручки кресел, и за животы, и стуча ладошками по столу, пока не затихли.

– Я тебе, Валька, такую историю расскажу, ты не поверишь, – Надежда достала новую сигарету, закурила, запустила в потолок струю дыма. – У нас в нейрохирургию парня привезли. В тот же день, между прочим, когда у вас это случилось. Кто-то его по башке чем-то шарахнул. Думали, не вычухается, а он вычухался. Парень – вылитый Брэд Питт. Одна проблема – ему память отшибло. Все так вроде нормально, вежливый, улыбается, но память отшибло. Помнит только, что раньше на лыжах катался.

– Ну?

– Что ну?! Поухаживай за парнем, стань ему этим, как его – светом в конце туннеля, а там, знаешь, всякое может быть.

– А что может быть?

– Во-первых, он может про родную жену вспомнить, – предположила Вера.

– Он без кольца, уже выяснили, – успокоила подруг Надежда. – И потом, была бы жена, она бы его нашла, верно?

– Ну.

– Опять ну! Приходи завтра ко мне в отделение, я тебе его покажу. Ну и познакомлю чисто случайно. Вот подруга зашла проведать, и тоже, кстати, на лыжах катается. Заметано?

Валя не отвечала. Неожиданный смех как будто освободил ее от тупого онемения, в котором она находилась последний месяц. Да, жизнь, конечно, продолжалась, только вот хмель мешал сосредоточиться, чтобы сообразить, что с ней делать дальше.

– Еще по одной? – спросила Вера.

– Я – баста, – Надежда прикрыла рюмку ладошкой. – Завтра не встану же.

– А я еще одну хлопну, за успех нашего предприятия, – сказала Вера и налила себе. – А если он Вальке не понравится, покажешь его мне. Вы же меня знаете, сердце у меня золотое, я вон котов на улице подбираю, а тут Брэд Питт. Ну, так голова у него не работает, тоже мне проблема! Главное, чтобы у него с гидравликой было все в порядке!

– С чем?!

– С гидравликой, говорю! Что непонятно-то?

Они снова стали хохотать, совсем забыв о поводе встречи. Когда Надежда ушла, Вера, жившая после аварии у подруги, стала убирать в моечную машину посуду, а Валентина вышла на террасу.

Звездная мартовская ночь скрыла дальний берег Нью-Джерси, узнаваемый сейчас по нестройной цепочке крохотных огоньков. Где-то в темноте густо и низко загудел уходящий в океан контейнеровоз, ему бодро откликнулся такой же невидимый буксир – красный сигнал на мачте быстро двигался в сторону Верразано. Валентине хорошо было видно его яркое голубое кружево. Дальше вправо ночь уступала место желтоватому зареву над портовым Элизабетом и Манхэттенем.

«Валить надо отсюда, – подумала она. – Чего я не видела здесь?»

– Валь, не простудишься? – спросила Вера в приоткрытую дверь.

– Нет, что ты, – отвечала Валентина. – Теплынь необыкновенная.